

Солдат и чорт

Правду сказывают, али нет, но будто бы однажды пришёл в русское селенье мужичок. Ростом невысок, лапти не на ту ногу, рубаха шиворот-навыворот – голь перекатная, да и только! Из-под рваной шапки космы торчат, длинным рукавом грязной рубахи нос утирает, словно пострел какой-то. Малышня над ним потешалась, когда он по деревне проходил. Тут приступили к нему мужики, и спрашивают: – Откуда ты такой взялся?

А тот и отвечает: из стольного града Петербурга! Эвона как! Приздумались мужики. Пока в затылках чесали, мужичонка подмигнул жолтым глазом, и достал из-за пазухи большущую бутылку самогона. Долго ль упрашивать нашего брата?! Пошли они в избу, а бабам, что их урезонить пытались, кулак показали. И засели, значит, пить. Пили-пили, пили-пили. Уж день прошёл, другой. Никак не могут жёны мужей домой вернуть. К проклятой избе подходят, а там уже и крапивой всё поросло, не подступишься. Они в окна – в окнах тьма. Без мужицкого плеча стала деревня хиреть, бурьян-травой зарастать. Поплакали бабы, да делать нечего, слезами горю не поможешь. Собрали вещи, мальцов на узлы посадили, и разбрелись по родственникам в соседние деревни.

Случилось в это время по дороге проходить славному солдату Ивану Михеичу. Он у самого Государя в георгиевских кавалерах ходил. Бог миловал, отвоевав своё на чужбине, солдат шёл домой. На душе его херувимы играли в райских куцах: представлял Иван, как обымет мать. Дом поставит, семьёй и хозяйством обзаведётся. Коли живой с войны вернулся, теперь всё нипочём.

Вдруг глядит, а навстречу обоз тащится. Женщины, да дети малые. Все рыдают, стонут – и ни одного мужика. Поравнялись.

– Кто вас обидел, голубушки?! – спросил солдат у женщин. Рассказали они ему как всё было, как незнакомец проклятуций мужей спойл. Крякнул солдат от удивления. Сколько на свете повидал, а вот такого не знал, чтобы вся деревня спилась. Особенно в страдную пору.

– Не горюйте, бабоньки! – усмехнулся Иван Михеич. – Горю я вашему помогу.

Спросивши дорогу, он отправился в путь. Идёт, песню насвистывает; пуговицы на мундире блестят, сапоги поскрипывают, сабля на ходу покачивается. Поправит ранец, махнёт фуражкой пичуге, и дальше по дороженьке. Ноги солдатские к дорогам привычные. Кто полмира прошёл, тому по русской земле хорошо шагается. Глядь, а на встречу ему звери лесные бегут. Схватился солдат за саблю, а зверям до него дела нет. Пробежали мимо, будто и не было его. Пожал плечами Иван Михеич, дальше идёт. Тут

из-за деревьев поп с кадилом выбегает, и мимо солдата – только пятки сверкают. Стало солдату не по себе. Ну, а когда промчались мимо ангелы с огненными мечами, понял служивый, что проклятая деревня совсем рядом. И действительно, шаг-два шагнул, и упёрся в околицу. О как заросло! Только виднеются кое-где крыши домов, да овин покосившийся.

Солдат перекрестился на солнышко, поклонился матери-земле, да и направился в деревню. Быстро нашёл злосчастный дом. Порубал крапиву в огороде, высадил ногой двери, и вошёл внутрь. А там страх что творится! Дым коромыслом, печь жарко пылает, вповалку спят мужики, а за столом восседает незнакомец. Как только кто из мужичков глаза продерёт, тот сразу подскакивает, да за стол с собой сажает, заставляет горькую пить. Знамо дело, скоро мужик опадает, а довольный прохиндей усаживается обратно. Подвинул Иван Михеич табурет, уселся напротив. Зыркнув жолтым глазом, лиходей ухмыльнулся и налил солдату полный стакан мутного первача. А тот подкрутил ус казацки, и опрокинул стакан. Даже глазом не повёл, а мужик ему уж второй подливает. Третий, четвёртый, пятый и шестой исчезли в глотке солдатской, и хоть бы хны. Ощерился собутыльник, и стоило Ивану приглядеться, так будто бы в прорехи шапки рожки виднеются среди волосьев нечёсанных, а нос на свиной пяточок стал похож. И понял Иван Михеич, что перед ним сам Чорт из пекла. Ну, Чорт, так Чорт, подумал он, и протянул стакан – наливай! А Чорту что? налил. Вдруг чувствует солдат, что-то его левое плечо давит, в сон клонит. Прищурился, а там чертёнок сидит, ехидно хихикая. Так солдат размахнулся и ловко стаканом его изловил. Чорт обиделся. Он глядел на своего собратца, мечущегося под стаканом, и хмурился ещё больше.

Пьют они без меры, наврное, по ведру каждый выпил. Чорт уж икать начал, а солдату всё ничего. Он заметил, что зелья не убывает в бутылке, и уразумел, что сие есть чортова западня. Безразмерную бутылку никому не перепить. Тогда он схватил её за горлышко, да метнул в печь. Ахнуло пламя, пожирая злое пойло. Разозлился Чорт. Предложил солдату на поясах побороться. Ну, так Иван под хмельком, отчего не побороться? Раз-два, и положил вражину на лопатки.

– Турку я бил, татарву бил, немца – и того бил! Нешто я тебя, рогатый, не одолею?! Начал ему Чорт предлагать богатства и злато, но солдат лишь отмахнулся. – Не нужны мне твои богатства и злато, мне бы до дома дойти, да живу быть! Свернул он чертяку в его же шапку и закинул за дальнюю горку, за гнилое болото, за реку глубокую.

Уж как его деревенские благодарили, звали остаться, но Иван Михеич выпил стакан чаю, взял котелок каши в дорогу, да и пошёл дальше. А село то с тех пор Солдатово называют. Не слышали?

Леонов Евгений Николаевич

Июнь 2007 года